
Саша НЕМИРОВСКИЙ

COSTA DE MORTE¹

В городке, не попавшем на карту
большой страны,
мы гуляем без масок
и кажемся всем странны.
Опускаем глазки
к асфальту,
туда, где вода, где в ней
ножки отражаются постройней.
Мы заражны
смертью,
наверное, и давно.
В круговерти
дней мы течем, позабыв про дно.
Но поверьте, жители городка,
чем брать
наши деньги, лучше — не умирать.
А пока целовать
туда, где щека,
хорошо избегая губ.
Не бояться жить, не стесняясь плыть в облака,
обогнав испуг.

Городок гудит, словно улей пчел,
и осенняя шумит по нему гроза,
и поток течет.
Я обнял плечо. Губы на глазах —
пусть любовь прочтет.

Только карта оборвана с уголка,
где название напечатано городка.

Саша Немировский (Александр Немировский) — поэт, писатель, хай-тек-антрепренер, гражданин мира. Родился в 1963 году в Москве. Считается основоположником поэтического стиля «джаз-поэзия». Автор пяти книг стихов и прозы и многочисленных публикаций в изданиях США, Германии, Финляндии, России. Член Санкт-Петербургского Союза писателей (иностранный отдел).

¹ Дословно — «Побережье смерти». Это название носит часть побережья Бискайского залива, Испания.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ НОКТЮРН

Нам уже не встретиться с тобой в городе,
под снегом, летящим в морды
статуй сфинксов
из неба, что самую суть светлее земли.
Иксы
наших дорог
никак не пересекаются с игреками времени,
теми, по которым плавают корабли.
Я ухожу от тебя на триере:
быта, работ, обязанностей,
с которыми не уместен торг.
В разности
вычислений оказывается устье
реки, протяженной с запада на восток.

Воспоминания — это грусть
безнадежности возврата.
Я не хочу помнить, о чем мы когда-то
мечтали,
особенно не хочу вспоминать детали.
И если бы мог,
предпочел надежду на повтор,
даже если далее
повтор — расплата.

Перебор
твоих ног по поребрику,
пасть парадного, откуда веет
сыростью.
Моя маленькая фея,
зачем мы живем на свете,
если твоим волосам никак не рассыпаться
под мой рукой?
Неужели укором
или, хуже, — панегириком
по самим себе за выживание в этом столетии?
Если все, что нам удалось, получилось порознь,
значит ли, что для «вместе» нам пора на покой?

ШУМ ТЕЧЕНИЯ

Под тем коричневым пальто —
капрон чулок, на ножках —
туфельки-фасон.
Клаксон
такси, зеленый трешник

до метро. Платок
от холода — оставлен только нос.
А время крутит, что поземка на снегу,
трясет авто, да в унисон
гудит проспект.
Летим на скорости, под нами зéлено плато,
в углу,
где горы,
отражающие свет.
Потом бежим: сандали, шорты,
смуглость плеч,
по бесконечности
хребтов, цветными ярусами прямо к облакам.
Монтаны, небо, отнимающее речь,
и речка, шьющая долину, как по лекалу,
сквозь редкий лес по берегам.

Зачем-то были: город, шум трамвая,
вставанье раннее,
наверно, на работу.
Грибные грозы над рекой, туманом
плотным
закрывают тайну
геометрии вершинки, близ лежащей.
Что общего меж нашей былью
и настоящим?
Шумит река, не зная, что есть миля
по перекатам,
лишь мы взрослеем, молодея безвозвратно.

К ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ (Галапагосские этюды)

1. Заповедник

Искушенного путешественника больше интересуют не места,
а их обитатели.
Занесло меня однажды
на Галапагосы.
Грозь, влажность, красота,
старательно
очеркнутая бровями пляжей,
как лицо кокетки,
разглаженное улыбкой,
которая чуть стервозна.
Ветки,
наполненные птичьим базаром,

рыбки
в рифах и на тарелке с ризотто-салатом.
Экскурсовод — он же импресарио:
— Выступают гигантские черепахи и ящеры!
В партере — крошечный
городок.
В сторону от маликона — заброшенные
стройки, ящики,
бамбуковые изгороди, детские игрушки,
помойки, проросшие травы.
Заповедник: олуши —
клювы, крылья, множество ног,
небесного цвета, игуаны,
чья кожа — оттенки лавы.
(Не наступить нечаянно.)
Пеликаны, фрегаты, простой нырок.
На стенке — Дарвин.
Он описал больше, чем я встречаю.
Насмотреться бы впрок.

Я живу с другой стороны забора.
Я — приносящая часть экосистемы,
авиаволнами набегающая с просторов
материка
сюда, где каждый на своем месте.
Нарушая законы островка,
я курю в тени водяной цистерны,
опираясь спиной о плесень.

2. Эдем

Ангел храпит на другой стороне постели.
Луна над морем стесняется за чадрую туч.
Островок Изабелла, где мы не успели
отдохнуть. Ключ
от лучшего номера в дорогом отеле
позвякивает на карабине
по пути на уснувший вулкан.
Из кабины
грузовика в мороси, сквозь облака
угадывается все, что не досмотрели.
Обещанием невозврата о скалы бухает океан.

3. Естественный отбор

Переехать на острова.
Стать служителем парка,
охранять пингвинов,
считать поголовье котиков.

Завести местную неовчарку.
Вписаться в жарящий пейзаж
и жить оставшуюся половину.

Но опечатан переложный багаж,
везомый лодкой
с острова на остров.
Венец творения всегда подозреваем в воровстве.
Что в документах? А вдруг просто
вплывающий не тот, кто выплыл? Причина злости —
эволюции тупик,
где все в родстве.
Я духом сник —
четвертую проверку
на расстоянии ста метров прохожу.
Я жду,
чтоб в паспорте еще одну отметку
поставить.
Плачу налог наличными без спора.
В октаве
имени: «сеньор», «сеньора» —
не разобрать. Что эволюция, что смена поколений?
Процесс отъема денег у населения
до совершенства доведен.
Прямоходящих новый вид встречает понедельник.
Плати и уезжай. Палящим днем
несем, что не отнять — и это впечатленья.

4. Подвид

Внезапное движение щегла
глаза глотают с тихим удивлением. Горит щека
от солнца поцелуя.
Деревья гнутся в канопе
лиан, рисуя
в воздухе фигуры, как будто бы причудливых зверей.
Танцует свет,
перемещаясь по тропе.
Там, где скала кончается кустом, скорей
границы нет.

И выбор весь — корпеть
над книгами иль жить размашисто
в природе?
Вся эволюция свелась к одной породе —
к созданию зрителя, что в полной немоте
вулканов кряжистых
внимает красоте.

* * *

Ну что, мой Санчо? Пять веков спустя
ни мельниц, ни доспехов, ни копья.
Лес точно стража
собрана в конвой,
обрыв каньона с высохшей рекой —
пейзаж бумажный,
замок из вранья.
На что бы, Санчо, это променять?
Быть может, ранчо, доброго коня
и все опять сначала?

Мы опоздали. Хлопаем штаны —
в каком кармане есть еще табак?
Все, что звучало —
только эхо фальши.
Мы строили, а оказалось — жгли.
Опять эпоха,
где мы не нужны,
где лишние. Что дальше?
Платок — капитуляционный флаг,
привязан к локтю.
Будет под рукой лицо прикрыть, когда б в какой кабак,
где похоть,
и порок, и нищета души.
Как получились, что мы тут себя нашли?

Столетия вертятся, паршивые собой.
Прости мне, Санчо, что тебя вовлек.
Какая мельница —
не победить. Отбой!
Мир — пепельница
жизни.
А небо так же все недостижимо,
особенно когда ты мотылек.